

ПОСЛЕ ВЕРНИСАЖА

«ЦВЕТНОЙ ДОЖДЬ» МИХАИЛА ЛЕННА

В салон на Newbury Street художник Михаил ЛЕНН влетел тогда, когда присутствующие на открытии его же собственной выставки уже не надеялись его увидеть. Он был одет в оливкового цвета костюм, изыскан, легок, весел. Тут же его обступили почитатели таланта, зашевелили фотоаппараты, засверкали вспышки. Его поздравляли, подводили к картинам, спрашивали о чем-то, восхищались. Маззетро грациозно лавировал между посетителями вернисажа, щедро дая внимание каждому, кто нетерпеливо ждал общения с ним.

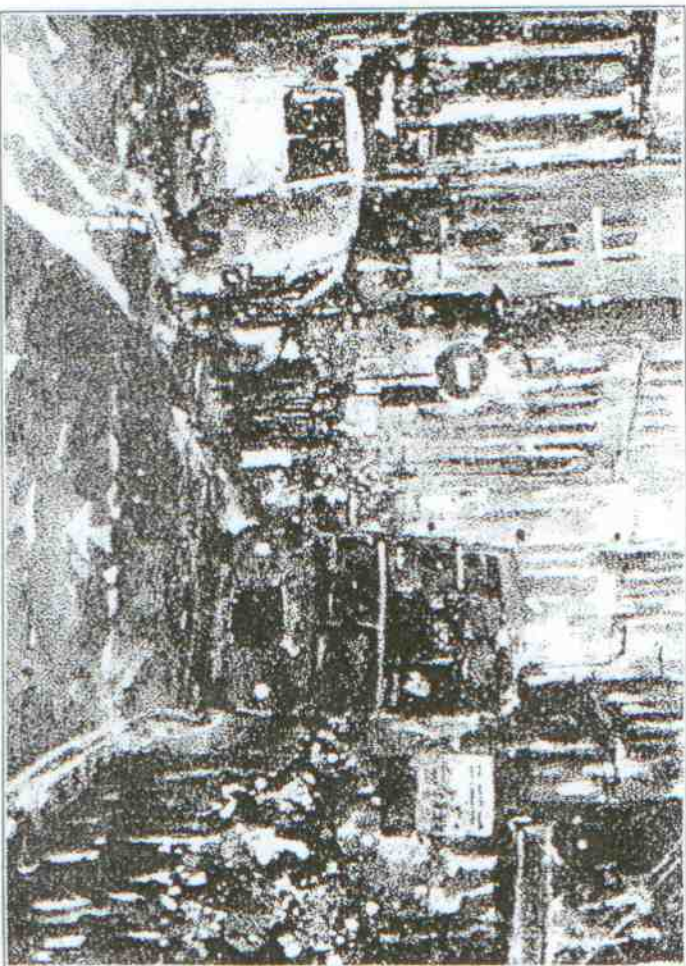
Со стен на бурлящую толпу смотрели чистые, красочные, радостные акварели, и всякому, кто был внутри этого праздника, мир казался цветным, светлым и жизнеутверждающим.

Так бывает иногда, когда слушаешь Моцарта. Не «Реквием», конечно. Радостное волнение и вера в непрекращающееся счастье.

— Вообще-то я художник-иллюстратор. Все мои акварели — это радостный отдух, работа для удовольствия, работа с улыбкой, — говорит Михаил Ленн, подписывая свои, кстати, все свои работы размашисто и озорно — «Misha», а не, скажем, «Michael».

Но несмотря на непонятную американцам подпись, они жалуют его творения и потому покупают. Что подлещет, любят повесить в своем доме или офисе обрамленные картины. Поэтому очень быстро рядом со многими экспонатами этой выставки появились таблички «продано».

Сюжеты обычные: городские зарисовки — Бостон и Париж, Венеция и Лондон, Санкт-

Петербург, стремительные пошледи (созданные одним движением, одной линией), подражания театрализированному Баксту, апрельские дожди и музыкант над пляшущими домиками — у Ленна все феерично. Все написано как бы без труда — легко и весело. «Цветным дождем» назвал выставку автор.

А вдалеке от радующей глаз и бердающей душу круговерти висела совсем другая картина. Никто не останавливался перед ней надолго, и не купил никто.

Она называлась «Иерусалим». Фигура мужчины в шляпе на фоне желтовато-серой стены.

Мужчина — маленький — повернут к нам спиной. Стена — огромная, во все полностью.

Сложенная из огромных камней. Эдакий Акакий Акакиевич в иудейской шляпе — перед прошлым, настоящим и будущим. Маленький чеповечек — перед всеми древней мудростью и печалью. Можно ли за короткую жизнь познать все это? Нет. Потому — скорбь, потому — плач... А в уголке подпись — «Misha». Он же, значит, — Михаил Ленн, изысканный, веселый, в оливкового цвета костюме.

Что же такое этот «Иерусалим»? Начало собственного «Реквиема»? Может быть.

Ведь то, что полечит, уже сыграно, и — блестяще.

Ирина СИМАКОВСКАЯ

